

11. *Разумов, Р. В.* Прецедентные онимы в неофициальном городском ономастиконе / Р. В. Разумов // Ярослав. пед. вестн. – Т. 1. Гуманитарные науки. – 2011. – С. 169–172.
12. *Лесников, С. В.* Методика анкетного опроса информантов и рекомендации для конструирования гипертекстового словаря-тезауруса разговорной и диалектной речи российской провинции / С. В. Лесников // Материалы Всерос. науч. конф. «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее». – Ч. I. В. Городская речь российской провинции. – Саратов-Сыктывкар // Альманах «ГОВОР». – 1996. – С. 54–76.
13. *Рычкова, Л. В.* Специальные словарные базы данных в изучении народно-разговорной речи города / Л. В. Рычкова // Miasto – Teren koegyzstencji pokoleń, Łódź, 19 – 21 maja 1997 r. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1999. – S. 190–194.
14. Словари, созданные на основе Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dict.ruslang.ru/>. – Дата доступа : 07.05.2017.
15. *Беляева, Л. Н.* Лингвистические технологии в современном сетевом пространстве: *language worker* в индустрии локализации / Л. Н. Беляева. – СПб. : Книжный дом, 2016. – 134 с.
16. Генеральный интернет-корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.webcorpora.ru>. – Дата доступа : 07.05.2017.
17. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 07.05.2017.
18. Корпус региональной и зарубежной прессы НКРЯ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/search-regional.html>. – Дата доступа : 07.05.2017.
19. *Корованенко, Т. А.* Источники нового академического словаря / Т. А. Корованенко // Очередные задачи русской академической лексикографии. – СПб. : ИЛИ РАН, 1995. – С. 31–43.
20. *Рычкова, Л. В.* Лексіка рэлігійнай тэматыкі ў беларускамоўных тэкстах СМІ Гродзеншчыны і яе лексікаграфічнае адлюстраванне / Л. В. Рычкова // Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце : матэрыялы II Рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 19–20 ліст. 2015 г. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2015. – С. 134–138.

С. С. Ваулина, Л. В. Коковина (Калининград, Россия)

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПОВЕСТИ
Н. В. ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ» И ЕЕ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕРЕВОДЕ
(к проблеме адекватности художественного перевода)

Интерес к изучению авторской модальности особенно возрос в последние десятилетия в связи с активизацией внимания к модальности текста, в первую очередь художественного, пронизанного субъективностью и антропоцентричностью, поскольку данная категория отражает и реализует

в художественном произведении личностную проекцию картины мира автора и его ценностные установки, воплощенные в индивидуальной языковой системе писателя. В контексте вышесказанного актуальным представляется вопрос о степени адекватности выбора средств выражения авторской модальности при переводе художественного текста на другой язык, т.е. о том, насколько полно совпадает картина мира, формирующаяся у читателя оригинального текста и текста перевода.

«При переводе художественных текстов, – отмечает Ю. А. Сорокин, – очень важно учитывать, чтобы собственная креативность переводчика, его стилистико-тропологическая манера не вступала в противоречие с авторской, а также не пыталась «сместить чужие акценты в фокусировке мира» [1, с. 52]. Художественный перевод отличается от других его видов тем, что играет двойную роль в свете межкультурной коммуникации: «С одной стороны, – как справедливо указывает Т. А. Казакова, – переводной художественный текст замещает оригинал для читателей, а с другой – становится литературным фактом переводящей культуры» [2, с. 3].

Таким образом, проблема передачи авторской модальности при переводе художественного текста заключается в том, чтобы, используя выразительные средства и возможности другого языка, максимально полно и точно передать субъективное отношение автора оригинального текста к описываемым событиям, героям его произведения; добиться такого эффекта, чтобы у читателя переводного текста сложилось бы такое же впечатление при чтении, как и у читателя оригинального текста.

В контексте вышесказанного несомненный интерес представляют произведения Н. В. Гоголя – гениального русского писателя, внесшего неоценимый вклад не только в отечественную, но и мировую культуру. «Гоголь, – писал В. Г. Белинский, – не льстит жизни, но и не клеветает на неё; он рад выставить наружу всё, что есть прекрасного, человеческого, и в то же время не скрывает и её безобразия» [3, с. 133]. Весьма ярко это качество писателя проявилось в тех его произведениях, где он поднимает тему «маленького человека», примером чему может служить повесть «Шинель», главный герой которой – рядовой чиновник Акакий Акакиевич Башмачкин – воплощает собой именно такой тип.

Целью данной статьи является рассмотрение языковых средств реализации авторской модальности при создании образа этого гоголевского героя и вариантных соответствий при передаче данных средств в тексте англоязычного перевода.

История и образ жизни Акакия Акакиевича Башмачкина типичны для России гоголевского времени, что наглядно подчеркивается одной из начальных авторских фраз: «В одном департаменте служил один чиновник» (117)¹; и не случайно поэтому главной чертой образа героя повести является

¹ Здесь и далее цит. по изданию: *Гоголь, Н. Повести. Пьесы. Мертвые души.* – М. : Худож. лит., 1975. В круглых скобках указывается страница, на которой находится пример.

неопределенность, которую писатель раскрывает в эпизоде с выбором имени при его рождении (матушка долго не могла выбрать ему имя и, перебрав несколько, решила назвать его именем отца Акакием), или в истории с поступлением героя на службу в департамент: «Когда и в какое время он поступил в департамент и кто определил его, этого никто не мог припомнить» (118) и т.п.

Неопределенность образа героя, сочетающаяся с неуверенностью и робостью как главными чертами его характера, передаются писателем с помощью различных средств. Например, описывая его внешность, Гоголь использует наречие со значением меры и степени признака *несколько*, троекратный повтор которого создает повышенную экспрессию авторской характеристики, значение неопределенности усиливает и вводная конструкция *не сказать чтобы*: «...чиновник *нельзя сказать чтобы* очень замечательный, низенького роста, *несколько* рябоват, *несколько* рыжеват, *несколько* даже на вид подслеповат ...» (117). В тексте английского перевода значение наречия *несколько* передается аналогичным наречием *somewhat* ‘отчасти, до некоторой степени’, а перевод вводной конструкции *не сказать чтобы* осуществляется с помощью приема грамматической замены – ‘one might say’, где основную функцию выполняет модальный глагол *might* ‘мог бы, может’: «...a not very remarkable clerk, one might say – short, pockmarked, somewhat red-haired, even with a somewhat nearsighted look...» (394)¹.

Важную роль в экспликации неопределенности как сущности характера Акакия Акакиевича Башмачкина, так и жизненных ситуаций, в которых оказывается герой, выполняют в повести вводные слова, среди которых выделяется вводное слово *может быть*: «Имя его было Акакий Акакиевич. *Может быть*, читателю оно покажется несколько странным...» (117); «Если бы соразмерно его рвению давали ему награды, он, к изумлению своему, *может быть*, даже попал бы в статские советники...» (119); «Так протекала мирная жизнь человека <...и дотекла бы, *может быть*, до глубокой старости...» (121). В переводах данных предложений в качестве эквивалентов вводного слова *может быть* используется наречие *perhaps* ‘возможно’, модальный глагол *might* ‘возможно, вероятно’, что представляется вполне адекватной заменой. Ср.: «His name was Akaky Akakievich. The reader will *perhaps* find that somewhat strange...» (395); «If his zeal had been rewarded, he *might*, to his own amazement, have gone as far as state councilor...» (397); «So flowed the peaceful life of this man <...> and so it *might* have flowed on into extreme old age...» (399).

Частотным средством реализации неопределенности применительно к характеристике образа героя повести являются неопределенные местоимения *что-то*, *что-нибудь*, *какой-то* и определительное наречие *как-то*. Например: «И *что-то* странное заключалось в словах и голосе, с каким они

¹ Здесь и далее цит. по изданию: The Collected Tales of Nikolai Gogol, transl. by R. Pevear and L. Volkhonsky. – London: Granta Books, 2003. В круглых скобках указывается страница, на которой находится пример.

были произнесены. В нем слышалось *что-то* такое преклоняющее на жалость...» (119); «...приказал дать ему *что-нибудь поважнее*, чем обыкновенное переписывание; именно из готового уже дела велено ему было сделать *какое-то* отношение в другое присутственное место...» (119); «Он не думал вовсе о своем платье: вицмундир у него был не зеленый, *а какого-то* рыжеватого-мучного цвета» (120); «В самом деле, она [шинель. – С. В., Л. К.] имела *какое-то* странное устройство...» (122); «...надобно сказать правду, что сначала ему было несколько трудно привыкнуть к таким ограничениям, но потом *как-то* привыкло...» (127).

В английском тексте данные местоимения и наречие передаются местоимением *some* 'какой-нибудь, какой-то', его производными *something*, *somehow*, а также неопределенным артиклем *an*, что можно рассматривать как достаточно адекватную, хотя и несколько формализованную замену языковых средств оригинала. Ср.: «And there was *something* strange in the words and in the voice in which there were uttered. *Something* sounded in it so conducive to pity...» (396); «...ordered that he be given *something* more important than the usual coping – namely, he was told to change an already existing document into a letter to another institution...» (397); «He gave no thought to his clothes at all: his uniform was not green but of *some* mealy orange» (397); – «Indeed, it was *somehow* strangely constituted...» (400); «Truth to tell, it was a bit difficult for him at first to get used to such limitations, but later it *somehow* became a habit...» (406).

Не менее ярко неопределенность и неуверенность как основные качества Акакия Акакиевича прослеживаются и через речь самого героя, особенность которой раскрывается в следующем гоголевском комментарии: «Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предлогами, наречиями, и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения» (123). Приведем характерный отрывок речи героя: «*Этаково-то* дело *этакое*, – говорил он сам себе, – я, *право*, и не думал, чтобы *вышло того*... а потом после некоторого молчания, прибавил – *так вот как!* Наконец *вот что вышло*, а я, *право*, совсем и предполагать не мог, чтобы оно было *эдак*» (125) – ‘*So it’s that, that’s what it is*, he said to himself. I really didn’t think it would *come out sort of*...and then after some silence, he added, *so that’s how it is! That’s what finally comes out!* And I really never would have supposed it would be *so*’ (404).

В данном речевом отрывке частица *этак* и ее производные в переводном тексте передаются указательным местоимением *that* 'тот, та, то' и наречием *so* 'так, подобным образом'. Глагольные словосочетания *вышло того, вот что вышло* передаются фразовым глаголом *come out* 'обнаруживаться, проявляться', для усиления неопределенности используется идиома *sort of* 'как бы, вроде', вводное слово *право*, выражающее заверение в чем-либо, передается наречием *really* 'действительно, в самом деле', что в целом можно считать достаточно адекватной заменой.

Важную роль выполняют экспликативы авторской модальности при описании переломного момента в жизни героя – драматической истории о приобретении им новой шинели. Мечта о шинели на вате становится для него подобием великой и невыполнимой задачи, но жизнь его наполняется смыслом. И эта метаморфоза в жизни героя, отразившаяся на изменении в его характере и поведении, передается автором через языковые средства, демонстрирующие его явную симпатию к своему герою и искреннее сочувствие ему. Ср.: «С этих пор *как будто* самое существование его сделалось *как-то* полнее, *как будто бы* он женился, *как будто* какой-то другой человек присутствовал с ним, *как будто он был не один, а* *какая-то* приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, и подруга эта была не кто другая, как та же шинель...» (127) – «From then on it was *as if* his very existence became *somehow fuller*, *as if* he were married, *as if some other* person were there with him, *as if* he were not alone, *but some* pleasant life's companion had agreed to walk down the path of life with him – and this companion was none other than that same overcoat...» (406); «Он сделался *как-то* живее, *даже тверже* характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и поступков его исчезло само собою *сомнение, нерешительность* – словом все *колеблющиеся и неопределенные* черты» (127) – «He became *somehow livelier*, even firmer of character, like a man who has defined and set a goal for himself. Doubt, indecision, in short, all hesitant and uncertain features disappeared of themselves from his face and actions» (407).

Эмоциональный подъем, который испытывает Акакий Акакиевич, передается с помощью многократного повторения сравнительных конструкций с союзом *как будто* и противопоставления прежнего состояния героя, обозначенного лексемами *сомнение, нерешительность*, и нынешнего, выраженного формами сравнительной степени прилагательных *живее, тверже*. В переводе используются лексические аналоги *doubt* ‘сомнение’, *indecision* ‘нерешительность’, с одной стороны, и *even firmer* ‘даже тверже’, *much livelier* ‘намного живее’ – с другой. Союз *as if* по своему значению и функционалу соответствует русскому союзу ‘как будто’.

Интерес представляет пример, где автор, показывая позитивные изменения в жизни Башмачкина, использует конструкцию с двойным отрицанием, выражающую значение долженствования с повышенной модальной экспрессией: «Акакий Акакиевич <...> *не мог не порадоваться*, видя, как все похвалили шинель» (131). В английском переводе эта конструкция передается эквивалентной идиомой *could not help doing* ‘не мог не...’: «Akaky Akakievich <...> *could not help rejoicing* to see how everyone praised his overcoat» (411).

Весьма символичным является высказывание автора в заключительной части повести, в котором, благодаря неоднократному употреблению отрицательных местоимений, причастий и прилагательных с отрицанием, авторская модальность приобретает особенно яркую эмоционально-экспрессивную тональность: «Исчезло и скрылось существо, *никем не защищенное, никому*

не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимание, и естество наблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху...» (138) – «Vanished and gone was the being, protected by *no one*, dear to *no one*, interesting to *no one*, who had *not even* attracted the attention of a naturalist who *does not* fail to stick a pin through a common fly» (419). В приведенном контексте русским местоименным словоформам *никем*, *никому* и др. в тексте перевода соответствует английская лексема *no one* 'никто', но повторение ее создает такой же драматический эффект, как и в оригинальном тексте.

В данной статье мы остановились на анализе лишь собственно модальных средств выражения авторской модальности в повести «Шинель», хотя реализация ее осуществляется через всю образно-языковую систему произведения. Но даже такой выборочный анализ позволяет, как нам представляется, сделать вывод о степени адекватности его английского перевода, суть которой очень точно, на наш взгляд, была сформулирована польским исследователем Ирэнной Дашчинской: «Дать адекватный перевод художественного текста – значит добиться такого уровня перевода, когда он оказывает адекватное подлиннику эмоциональное воздействие на читателя и содержит ту же семантическую и стилистическую информацию, какую находим в исходном тексте» [4, s. 13]. Думается, что переводчики повести Н. В. Гоголя «Шинель» добились такого эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин, Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры / Ю. А. Сорокин. – М. : Гнозис, 2003. – 160 с.
2. Казакова, Т. А. Художественный перевод: в поисках истины / Т. А. Казакова – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – 224 с.
3. Белинский, В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя / В. Г. Белинский // Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. – М. : Худож. лит., 1948. – 797 с.
4. *Daszczyńska, I.* Frazologia wojennych powieści Konstantina Simonowa w konfrontacji z polskimi przekładami / I. Daszczyńska. – Słupsk: Wyd. Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1982. – 56 s.

Ю. А. Гурская (Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДНОМ ХАРАКТЕРЕ БЕЛОРУССКОЙ АНТРОПНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В трудах С. М. Прохоровой особое место занимает теория языковой непрерывности, которая, согласно исследованиям, соотносится с идеей переходности, подразумевающей невозможность проведения точных границ между языками. Переходность С. М. Прохорова понимает как поле одного языкового явления, где «центр поля характеризуется неосознанным билингвизмом носителей говоров по отношению к определенному языковому